

УДК 1/14

Русаков В.М.

Проблема различения объекта и предмета права: актуальность кантинского дискурса

В докладе рассматриваются актуальные аспекты философии Канта, посвященные определению и разграничению предмета права и морали, философской и политической антропологии. В современных условиях капиталистической реставрации в России вновь актуальны рассуждения Канта о моральной автономии личности и правовом государстве, недопустимости подмены права моралью. Новые объекты права (бизнес, авторское право, государственные границы) обостряют интерес к всеобщей парадигме права. Современный либерализм, претендующий на формулирование парадигмы права, утрачивает гуманистический характер. Ряд поднятых Кантом проблем не могли быть решены, потому что отсутствовали необходимые условия и предпосылки (социальное государство, правовое государство) или они являются вечными проблемами (проблема человеческой природы, проблема зла и добра, справедливости).

Ключевые слова: философия права, антропология, политическая философия, либерализм, консерватизм, капитализм, общественный договор, естественное право, право, мораль, категорический императив, справедливость, наказание

Русаков Василий Матвеевич, Россия, Екатеринбург, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-13-66501 (2014г)

УДК 1/14

Rusakov V.M.

Kant and contemporary issues of the object and the subject of law

The report covers the relevant aspects of Kant's philosophy on the definition and delimitation of the subject of law and morality, philosophical and political anthropology. In modern conditions of capitalist restoration in Russia relevant again reasoning Kant on moral autonomy of the individual and the rule of law, the inadmissibility of substitution rights morality. New facilities law (business, copyright, state border) increase the interest of the universal paradigm of law. Modern liberalism, claiming the formulation of the paradigm of law, ceases to be humanistic in nature. A number of raised Edging problems could not be solved, because there was no necessary conditions and prerequisites (welfare state, legal state) or they are the eternal problems (the problem of human nature, the problem of good and evil, justice).

Keywords: philosophy of law, anthropology, political philosophy, liberalism, conservatism, capitalism, social contract, natural law, law, ethics, categorical imperative, justice, punishment

Rusakov Vasily Matveevich - Russia, Ekaterinburg, the professor managing faculty of philosophy and cultural science of Institute of the international communications

Work is executed at support of grant RFH № 14-13-66501 (2014r)

CDU 1/14

Rusakov V.M.

Kant y los problemas actuales del objeto del derecho

En el artículo se analiza los aspectos actuales de la filosofía de Kant, dedicados a la definición y delimitación entre el objeto del derecho y de la moral, entre antropología política y antropología filosófica. En las condiciones contemporáneas de la restauración capitalista en Rusia, vuelve a ponerse actual el discurso de Kant referido a la autonomía moral, al Estado de derecho, y a la inadmisibilidad de la sustitución del derecho por la moral. Nuevos objetos del derecho (negocio, derecho de autor, fronteras estatales) agudizan el interés al paradigma general del derecho. Algunos problemas planteados por Kant no podían ser resueltos porque habían estado ausentes de las condiciones necesarias (el Estado social, el Estado de derecho) o porque representan eternos problemas (problema de la naturaleza humana, del mal y del bien, de la justicia).

Palabras-clave: filosofía del derecho, antropología, filosofía política, liberalismo, conservadurismo, pacto social, derecho, imperativo categórico, justicia, castigo

La ponencia fue publicada con
el apoyo del № 14-13-66501
(2014r)

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Давние споры о политической принадлежности государственно-правового учения Канта (консерватизму, либерализму) имеют под собой основательную историю и теоретическую подоплеку. Надо сказать, что и сегодня эти споры остаются весьма и весьма небезынтересными. Чтобы лучше это понять, восстановим некоторые детали исторического контекста, в котором эти идеи родились.

Начать надо с парадокса гоббсовского решения дилеммы «война всех против всех» – «безопасность и порядок», который заключается в том, что решение индивидов в виде заключаемого «общественного договора» порождает так называемый «естественный закон» («предписание мира и благоразумного следования правилам справедливости, беспристрастия, скромности и милосердия»), но который теперь с неумолимостью (насильственно, неправовым способом, а не по внутреннему желанию индивида) проводится государством и принуждает его исполнять в любом случае. «В жертву этому миру (как гарантированному состоянию) логически рассуждающий благоразумный индивид должен принести не только свои «естественные страсти» (злобу, ненависть, мстительность и т.д.), но и свое свободно выбранное право [8,189]. Т.е. сама государственная власть отнюдь не обязана соотноситься с «естественным законом!» Индивид предпочел «гражданское (подзаконное) состояние» – «естественному»

на основе юридической рациональности (на рационально-эгоистических основаниях), но коль скоро «гражданское состояние» достигнуто, юридическая рациональность излишня и даже вредна: индивид теперь в качестве подданного должен твердо запомнить: что закон делает не юриспруденция, а разум и приказы государства! [1,211]. Понятно, что Гоббс меньше волновали деспотические злоупотребления государственной власти по сравнению с опасностями гражданской войны и междоусобицы. «Хотя люди могут возражать, что ... неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако последствия отсутствия такой власти значительно хуже» [1,171]. Это и есть концепция права как воли правителя, возведенной в закон.

Понятно, какими историческими обстоятельствами были вызваны к жизни эти идеи, не сразу обнаружившие все следствия этого парадокса. Кант вполне отдает отчет в занимаемой позиции и подтверждает: «Отсюда следует, что всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неувольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет самое наказуемое преступление в обществе, потому что оно разрушает самые его основы. И такое запрещение абсолютно, так что, если даже эта власть или ее исполнитель, глава государства, нарушит первоначальный договор и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тем самым, по мнению подданных, утратит право быть законодателем, так как уполномочивает правительство действовать совершенно насильственно (тиранически), то все же подданному не разрешается никакое сопротивление как ответ насилием на насилие» [2,90]. Более того, он последователен в этом: «Против законодательствующего главы государства нет пропорционального сопротивления народа... Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену (*proditio eminentis*), и такого рода изменник может караться только смертной казнью, как за попытку погубить свое отечество» — говорит он в «Метафизике нравов» [2,242].

Но что получается в итоге? Разум и воля («наиндивидуальное существо») — государства — приобретает сверхразумный смысл: индивид теперь не имеет права своим разумом определять — что есть добро, а что есть зло, что есть норма, а что — патология. Это может делать только верховная власть (только она может признать кого-либо виновным, только она имеет право на вооруженное насилие и различные предписания). Морально-психологические следствия такого состояния не отличаются от состояния войны всех против всех: вечный страх и испуг перед произволом всемогущего государства исключают моральные добродетели. Это хорошо представляли мыслители XVIII в. [6,179] Государственная власть функционирует тем лучше, чем больше утверждена

в гражданах верноподданническая трусость, она не нуждается в «любви к отечеству», благородстве. И, наоборот, стоит только государю опустить свою карающую длань — зашатаются ее коренные устои.

Однако государственно-правовые теории XVIII в. уже опирались и на новые историко-политические реалии и достижения теоретического анализа: они выделили особую *реальность права*, отличную от реальности административно-бюрократических государственных установлений. Они ищут «противовесы» со стороны первой — для второй. Утвердить примат (и соответственно ограничивающее значение) права по отношению к возведенной в закон воле государя (Ж.-Ж. Руссо) [8,195–196].

В противовес Гоббсу, с точки зрения философии Просвещения естественное состояние не содержит в себе никакого внутреннего напряжения, которое заставляло бы людей искать наиндивидуальной государственной опеки. Руссоистский идеал такого изначального идилического состояния позднее был воспринят анархистами (П. Кропоткин) и др., которые находили естественными отнюдь не «борьбу всех против всех», но человеческую солидарность, сопереживание и сочувствие, взаимопомощь, в том числе — ссылаясь на пример живых существ в природе. Именно неравенство и неравенство собственности, имущества рождает борьбу групп и государственное принуждение,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

которое лишь для маскировки рядится в форму права. Равенство в бесправии, достигаемое в деспотизме, рождает стремление к равенству в свободе перед лицом закона. Необходимо правовое государство, в котором государственная власть лишь средство установления такового.

Но и в гоббсовом государстве и в руссоистском правовом – индивид лишь – расчетливо выбирает то, что более удобно для него, а не на всеобщих и безусловных моральных основаниях. Но будут ли индивиды следовать закону и праву, если страх, связывающий индивидов и в том и другом случае – исчезнет, или они вновь предпочтут свои «естественные» страсти и стремления? Если у Гоббса – это воля созданной теперь наиндивидуальной верховной власти, то у Руссо – наиндивидуальная воля народного собрания или «народа как собрания» [8,198]. В этом заключается идея «народного суверенитета». Некий народ выступает в роли носителя благоразумия, благоразумной рациональности. Но «воля народа», вознесенная на роль высшей инстанции, неожиданно приобретает черты того самого деспотизма, с которым она должна была бороться. Провозглашался принцип непосредственной единой и неделимой воли (суверенитета) и вытекающий отсюда принцип прямого народоправства, исключаяющий всякое политическое представительство.

Но еще Платон и Аристотель,

как известно, невысоко отзывались о морально-психологических и иных качествах «народа», а тем более толпы: добродетельных, ответственных и моральных индивидов в нем всегда меньше, чем лодырей и мошенников. Недаром Руссо вынужден был разграничить «народ» как невидимое коллективное существо, носитель коллективного разума и «народ» как наличную совокупность индивидов – главного хранителя политических и иных предрассудков, невежества и пр. Вводится различие: «Общая воля» и «воля совокупная» или «Народ» в сущности и «народ» в явлении. Как же решалось это противоречие? Через «исключительную личность» («Законодатель») – именно она первоначально способна постичь политическую разумность, присущую всему коллективному существу «народ». Вообще, фигура «Законодателя» (не нынешнего властителя, не избранника или представителя народа) весьма одиозна: он, скорее, «вождь», «наставник» народа, «пастырь» его, ибо он вряд ли может понятно объяснить народу – откуда и почему у него такая высшая мудрость, поскольку наличная совокупность народа достаточно невежественна и предрассудочна. А потому «Законодателью» разрешается выдавать свои прозрения за божественные установления и т.п., лишь бы народ воспринял это.

Чем же это отличается от ранее защищаемого Гоббсом ничем не ограниченного Властителя, носителя ничем не ограни-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ченного произвола? Кант, несомненно, продолжатель антигоббсовской трактовки общественного договора: строго правовое ограничение принуждающей государственной власти.

Кант видит порок прежнего воззрения в *антропологических* посылках Просвещения – в понимании человека как разумного эгоиста, расчетливо-осмотрительного искателя счастья и личной выгоды [8, 205-206]. Но это гоббсовский человек, с которым просветители полемизируют в философии политики. Это антропология «Левиафана»! На почве такой антропологии утвердить примат права по отношению к возведенной в закон воле верховного правителя – невозможно. Этот «человек» не знает никаких иных побудительных мотивов своего поведения, кроме своих влечений, стремления к личному индивидуальному благополучию.

Кант строит *новую антропологию*: его человек – это существо, принципиально способное стать господином самому себе и потому не нуждается во внешней опеке в своих ценностных и смысложизненных ориентациях. «Человек вообще» сам, независимо от внешнего авторитета знает, что является его долгом, имеет силу бороться за его исполнение и верит, что эта борьба может завершиться победой над всякими иными мотивами [8, 207].

Способность человека давать себе закон и без всякого внешнего принуждения бороться за осуществление этого закона Кант называет «моральной

автономией», а потому *правопорядок* есть *социальное пространство* человеческой моральности. Лишь признание за человеком его принципиальной благонамеренности его свободной воли ведет к признанию с его стороны за государством права принуждать и карать его в тех случаях, когда он предал свое морально-политическое значение и на деле в объективно регистрируемом преступном деянии обнаружил, что не является господином самому себе.

Всякому политическому соглашению индивидов, принимаемому в видах их взаимных выгод, должно по логике дела предшествовать их порознь, независимо друг от друга принятое решение жить в соответствии с *категорическим* (моральным) императивом.

Как актуально звучат выводы Канта: индивиды вступают в общественный договор не в качестве разумно-эгоистичных (опасливых стяжателей личной выгоды), а в качестве моральных существ. Справедливо замечает по этому поводу отечественный исследователь: «В определениях права, которые по сей день фигурируют в наших энциклопедиях, словарях, популярных юридических изданиях, примечательным образом отсутствует понятие свободы — самое важное для уяснения смысла правовой нормы. На передний план властно выдвигаются такие выражения, как «регулирование», «управление» и «регламентация» [7, 427].

В то же время, надо хорошо чувствовать, что он толкует: ни

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

одна существующая в обществе инстанция не вправе предписывать человеку, ради чего он должен жить, в чем ему следует видеть свое личное благо и счастье, а тем более угрозами добиваться выполнения подобных предписаний [8,210]. Он снова и снова заклинает: «Правление отеческое, при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно... такое правление есть величайший деспотизм» [2,79]. Он считал, что народ никогда не может рассматриваться государственной властью, правителями как неподготовленный к освободительным акциям государства [3,133]/

Но спросим себя: является ли человек в полном смысле моральным, т.е. «господином» своих страстей и влечений? Нет, говорит Кант. Иначе люди были бы святыми. Моральный индивид находится в состоянии постоянной борьбы с противоречащими моральному императиву влечениями и страстями. Индивид, потерпевший поражение в этой борьбе подвергается правомерному принуждению только за причиненный фактический ущерб другому человеку, свое же поражение он несет в своей совести и никогда не должны наказываться обществом в качестве внутреннего морального акта (греха, раскаяния и искупления).

Право на внутреннюю свободу – нельзя навязывать ему представления о его счастье, судить

его за зло, которое он причиняет себе сам (религиозные суды за преступление против своей бессмертной души). Кант считает, что заботой внешней карающей власти должны быть не пороки, а только преступные деяния индивидов, только зло, причиняемое другому человеку, т.е. конфликты, объективно регистрируемые. И не дело внешней власти каким-либо образом «гармонизировать» их отношения, не в урезонивании, умиротворении, а силой поделить то, что сами индивиды не смогли поделить миром. («Исключить войну, воздав каждому свое»).

Но что «свое»? Только то, «чего он достиг благодаря своему таланту, прилежанию и удаче» [2,81]. Что, однако, противоречиво: привести собственность в согласие с личной заслугой – должно быть первоочередной задачей принуждающей власти. Но ведь это и есть так ненавистная Канту «отеческая забота» государства о благополучии подданных. И это был еще один пункт, с которым послекантовской теоретической мысли пришлось разбираться.

Справедливость – для него центральная категория. Правительственная «мудрость» вовсе не является чьей-то особой привилегией, норма, которой обязан следовать правитель, чиновник, судья – она а priori известна всем. Нам слишком хорошо известна сегодня «приватизация» истины в последней инстанции: всевозможная «высшая» государственная таинственность и «сакральное» знание, на поверку оказывающиеся либо трюиз-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мами, либо элементарным сокрытием некомпетентности в вопросах государственного управления.

Справедливость может содействовать прогрессу, если она становится выше любых устремлений и отправляется властью как ее первейший моральный долг. Не во власти правителей творить хозяйственный социальный или культурный прогресс. Правовой порядок выгоден обществу, но эта выгода не может быть естественной мерой самого права. Нельзя подчинять справедливость общему или общественному благу. Нельзя сводить правовую справедливость к целесообразности и тем более – «полезности»: ни одна затеваемая правительством реформа не будет иметь успеха, если прежде того не будет реализована правовая справедливость.

Интересно представление Канта о наказании, вытекающее из его концепции прав: не может быть исправительных, воспитывающих наказаний, не может быть и устрашения – т.е. наказывать «чтоб другим неповадно было» – тогда наказание носит превентивный характер, т.к. наказываются другие люди, не совершившие еще никакого преступления.

Преступление должно рассматриваться внешней принуждающей властью как отношение виновника и потерпевшего, отношение конфликтное, возмездное отмщение ущерба. Между преступлением и наказанием не должно быть никакого морального компонента, ре-

флексии (категорическое исключение презумпции виновности, моральных подозрений, превентивной репрессии).

Однако особую трудность для правовой оценки поведения индивидов представляет для Канта феномен убежденно злой свободной воли, когда преступление совершается не по слабости характера, не под давлением спонтанной склонности или неодолимых внешних обстоятельств, а как бы из принципа человеконенавистничества. Пессимизмом веет от его вывода: «Стало быть, основание злого находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через склонность, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т. е. в некоторой максиме. Итак, если мы говорим: человек по природе добр или он по природе зол, то это значит только то, что он имеет в себе (непостижимое для нас) первое основание признания добрых или признания злых побуждений» [2,31].

Заметим, что и сегодня человечество не слишком приблизилось к ответу на этот вопрос.

Как видно, проблемы, над решением которых билась мысль И.Канта, остаются злободневными: это различие предмета права и морали, поскольку на практике в правовое регулирование вновь затаскиваются моральные предметы – «чувства верующих», «любовь к родине», «уважение к начальству», «политические убежде-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния» (например, «историческая память»).

Возникновение все новых и новых объектов права, точнее, введение их (предпринимательство; государственные границы в воздухе, космосе, морском шельфе, авторство; детство; половая и гендерная самоидентификация; коррупция, обращение с животными и т.п.) – при расплывчатом представлении о предмете права неизбежно приводят к расшатыванию его системы, к выхолащиванию его сути, к злоупотреблениям и в конце – правовому нигилизму. С каждым новым объектом права при расплывчатости исходных принципов права наиболее часто происходит безосновательное расширение права за счет принципов, не принадлежащих ему (религиозных, моральных, эстетических, эзотерических), обозначая на деле одно: требование исполнительной властью все новых регуляторов от законодателя и послушное бездумное умножение им псевдоноваций под соусом введения в правовое поле все новых объектов.

Учтем, что «Кант хорошо представлял и может быть лишь однажды в истории политической мысли реализовала основные принципы радикального либерализма [8,185], который «почил в Бозе».

На смену ему давно пришел современный либерализм «рыночных фундаменталистов», на деле во всем мире отстаивающий не «моральную автономность личности», а интересы транснационального капитала.

С точки зрения такого либерализма кантовская морально-правовая антропология – сущий нонсенс: человек, его свобода и самоценность выступают каким-то анахронизмом в мире дутого финансового капитала, анонимных биржевых спекуляций, «саморегулирования невидимой рукой рынка». Вопреки тому, что сегодня в мировой экономической науке выстрадано представление о роли «человеческого капитала», «инвестиций в человека», – такой «рыночный фундаментализм» преподносит себя как единственно верное, «вечно живое и всепобеждающее» учение.

Право в руках этих сил превратилось в орудие плохо замаскированного уничтожения человеческого в человеке: «демос» целенаправленно и планомерно при помощи псевдоправовых игрищ с избирательным правом превращают в «охлос»; производится систематическая проповедь ужесточения судебно-карательной системы; создание правового вакуума (или, по крайней мере, – правовых лакун) в отношении носителей государственной власти, которые под различными предложениями, а то и «просто так» выводятся из-под действия права; «приватизация» права в виде наследственного или неподотчетного и несменяемого депутатства.

«Не прошло и года с момента созыва Генеральных штатов, как революция заставила вспомнить тревожные предупреждения Руссо о возможности отчуждения, заключенной в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

любом представительстве. В конце 1789 года Национальное собрание отменило все «священные инструкции» (наказы) и право отозвания депутатов избирателями. Депутатский корпус отторг себя от уполномочившей его нации. Началось правление «именем народа, ради народа, но без народа», напоминает нам исторические аналогии Э.Соловьев [7,428]. Российский законодатель проделал тот же путь, убрав право народа на референдум, на ходу меняя избирательный закон (сроки, порог явки, свободу объединений, равное право на свободу использования СМИ, порог прохождения в парламент, порядок выдвижения и регистрации кандидатов и т.п.).

Конечно, кантовское понимание права несет на себе черты исторической ограниченности: многое из того, что казалось ему самоочевидно ясным – увы, как показало дальнейшее развитие политико-правовой реальности, оказалось далеко не таковым: уже отмеченный выше феномен «злой воли». Дело в том, что Кант никак не объясняет ее, в его концепции просветительского юридического гуманизма нет необходимых теоретических средств. Ведь с его точки зрения человек «по природе своей» морально автономен (свободен). Но XX век показал жуткую реальность индустриального культивирования «злой свободной воли», возведения ее в ранг антропологической нормы. И это не обязательно связано с тоталитарными расистскими, националистическими режимами – «рыночный

фундаментализм» вполне дает цветные упаковки различных вариантов вытравливания человеческих смысложизненных ориентаций: «эффективные менеджеры» в науке, медицине, образовании, управлении, экономике, международных отношениях. Сегодня самая «эффективная» предпринимательская деятельность – наркотоорговля, проституция, торговля оружием, убийства (теракты, локальные агрессивные «уроки демократии»). Формальная «свободная воля», сидящая в самой сердцевине современного либерально-охранительского режима не имеет объяснения зла в рамках чисто антропологического подхода (да и что он может сказать: такова «природа» человека?).

Кант категорически разводит мораль и право, необходимость принудительной государственной власти не может и не должна связываться ни с какими заботами об обеспечении счастья индивидов: это всецело является их собственным личным делом, делом их личного свободного выбора и таланта. Понятно, что Кант стремится пресечь тем самым попытки «принудительного осчастливливания» людей государством. Но не зря в конце XIX в. появляются вначале практики, а затем и терии «социального государства», – которое берет на себя бремя не только обеспечения неких минимально необходимых уровней социально-экономического и культурного благосостояния людей, но и самой социальной справедливости. Кант печется, прежде всего,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

об уничтожении пороков «отеческого правления», реализации «правового государства», но оно должно быть социальным.

Кант порицает юридические привилегии, проистекающие из обладания собственностью, но признает объектом частного права не только вещи и отношения людей, но и самого человека, что приводит к оправданию закреплённой в законе власти мужа над женой, господина над слугой.

Кант непоследователен в толковании суверенитета народа: «Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении или же власть явилась сначала, а затем уже установился закон, – для народа, который находится под владычеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие опасностью государству рассуждения» – таким образом, «моральная автономия личности» сильно урезается до границ самосознания – наслаждайся тем, что ты высонравственное автономное существо, с которым никто не имеет права обращаться как с неразумным малолетним дитём. «Гражданин государства и притом с позволения самого государя, должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу» [2,95]. Кант, фактически, оправдывает форму сопротивления индивида неправоу власти лишь как «фигу в

кармане»: «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы было ее происхождение». Он оспаривает право народа на восстание, право наказывать главу государства, если даже тот нарушает свой долг перед страной [2,255]. Он лишь допускает внешнее повиновение при внутреннем неучастии – отношение к неправоу деспотической власти [2, 317., 95-96, 245, 99. 255].

С этой точки зрения уже европейский анархизм (и особенно – русский, П.А. Кропоткин) глубоко понимал необходимость, но недостаточность «моральной автономии» личности только в свободе. Потому что не только важно понять, с чем мы имеем дело: «свобода от» или «свобода для», но и в чем коренятся причины человеческой свободы/несвободы. И здесь бесценным является опыт марксистского анализа (против которого «ополчились все силы старого мира» – только теперь куда как более мощные в сравнении с меттернихами и бисмарками! Как известно, К. Маркс считал философию Канта «немецкой теорией французской революции» [5,88] и только он оказался способен объяснить необъяснимое для Канта упорство деспотизма в его нежелании ничего реально реформировать, даже перед лицом неминуемой гибели.

Однако вряд ли все дело в том, что нынешней нашей юриспруденции было бы весьма полезно переосмысление парадигмы права и законности

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

с учетом уроков исторического развития правовой мысли: дело, скорее, в «параличе воли» (либерально-охранительная идеология и политика парализовала власть, себя, а также российский демос, который робко сопротивляется превращению его в охлос).

История развития России в конце XX в. продемонстрировала, казалось бы, невероятный кульбит – попытавшись вернуться минимум на сто лет назад к тем давним развилкам исторического процесса в отчаянной надежде то ли понять – куда девалась та «Россия, которую мы потеряли», то ли ответить другому современному вопрошателю – («как это все случилось?»), то ли вовсе утвердительно ответить на жутковатый вопрос нашего великого соотечественника П.Я. Чаадаева [9]. В течение последней четверти века правящий класс предпринял столь решительную попытку капиталистической реставрации, «отпрыгнув» куда-то во времена «дикого» капитализма, попытавшись столь решительно вытравить весь советский период отечественной истории, что только

циничное уродование истории XX века сегодняшним западным истэблшментом и внезапно вдруг вновь заплодоносившее «коричневое чрево» в Украине невольно заставляет отшатнуться и задуматься о смысле подобных исторических кульбитов.

Поэтому социально-политическое развитие современной России способно внезапно актуализировать кантианский дискурс, проблемы, которые совсем недавно – если и не считались окончательно сданными в архив, то все же не рассматривались как злободневные, а, скорее – принадлежащими историко-философскому процессу. Но в этой логике даже, казалось бы, чисто историко-философские проблемы обнаруживают необыкновенную остроту.

Например, кто бы в США от 4 July – Independence Day, а во Франции – от 14 июля отрекся под столь же диким предлогом, под которым попытались вытравить из исторической памяти российского общества день 7 ноября, заменив его «днем изгнания поляков из кремля»? Подобные примеры можно было бы умножать.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан. – М., 1936.
2. Кант И. Метафизика нравов. – Соч. в 6 тт. – Т.4, ч.2.
3. Кант И. Религия в пределах только разума / Трактаты и письма. – М., 1980.
4. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. – Соч. – Т. 4(2).
5. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 1.
6. Монтескье Ш. О духе законов. – М. 1954.
7. Соловьев Э.Ю. Личность и право.
8. Философия Канта и современность. – М., 1974.
9. Чаадаев П.Я. Философические письма. Первое письмо. // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т.1-2. – М., 1991.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Gobbs T. Leviatan [Leviatan], M., 1936.
2. Kant I. Metafizika npravov [Metaphysics of customs]. Soch. v 6 tt. Vol. 4, ch. 2.
3. Kant I. Religija v predelah tol'ko razuma [Religion in limits only reason]. Traktaty i pis'ma, M., 1980.
4. Kant I. Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoj prirode [About initially angry in a human nature]. Soch. Vol. 4(2).
5. Marks K., Jengel's F. Soch. Vol. 1.
6. Montesk'e Sh. O duhe zakonov [About spirit of laws], M., 1954.
7. Solov'ev Je.Ju. Lichnost' i pravo [The person and the right].
8. Filosofija Kanta i sovremennost' [Philosophy of the Kant and the modernity], M., 1974.
9. Chaadaev P.Ja. Filosoficheskie pis'ma. Pervoe pis'mo [Philosophical letters. The first letter], P.Ja. Chaadaev. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannyh pisem. Vol. 1–2, M., 1991.